

МАРГИНАЛИИ

ТЕХНОЛОГИЯ “НЕРУКОПОЖАТИЯ”

© 2014

А. М. Вафин

Вафин

Артур

Мансурович — кандидат политических наук, преподаватель ГАУГН, ведущий рубрики “Философия политики” в журнале “Российская Федерация сегодня”. В журнале “Человек” публикуется впервые.

E-mail: arthur.vafin@mail.ru.

Политики становятся объектом анализа часто, чего нельзя сказать о политических консультантах (политтехнологах). Дискурс редких статей касается вопросов: “кто мы?” и “кто они такие?”. Последний вопрос обычно задают ученые-политологи, пытающиеся отмежеваться от своих предприимчивых коллег-практиков. Мне, во-первых, интересны отношения политических консультантов, а, во-вторых, внутренний мир их переживаний. Поскольку наиболее отчетливо отношения и переживания проявляются в конфликтах, обратимся к феномену стигмы в политическом пространстве. Квинтэссенция этого феномена — так называемые “нерукопожатные”, в частности, политтехнологи, преимущественно работающие на Кремль. Эта категория существовала и раньше, однако особое распространение получила после выборов в Госдуму 2011 года и выборов Президента РФ 2012 года. Я интервьюировал политтехнологов вне зависимости от их политических пристрастий, включая политических консультантов из бывшего СССР.

Речь далее пойдет о символической практике нанесения клейм и реальных переживаний по поводу стигм, т. е. клеймении символического тела, или виртуальной социальной идентичности¹. Несмотря на то, что стигматизация носит символический характер, она реальна по своим последствиям. В подобной логике написан ряд работ (преимущественно социологического толка), посвященных проблемам гомосексуалистов, стриптизерш, людей больных ВИЧ и СПИД, феминисток, инвалидов и иммигрантов. В более широком контексте феномен стигматизации анализируют политологи и представители спецслужб.

В своем анализе я ориентируюсь на интерпретацию стигмы и стигматизации социологом И. Гофманом [4]. Вводя в научный тезаурус термин “стигма”, Гофман не претендует на первенство, он отмечает, что об этом феномене писали психологи Левин, Дембо, Баркер и Райт. Однако в работах этих авторов речь идет скорее не о феномене стигмы, а об эмпирическом материале, который помог Гофману создать оригинальный концепт.

Гофман выделяет три типа стигм (символических клейм), основанных на: физическом “уродстве”; “недостатках” индивидуального характера (начиная от слабоволия и заканчивая наркоманией или презируемой обществом работой); расовых, национальных и религиозных характеристиках. Любопытно, что Гофман не исключает получение стигм по полити-

¹ “Виртуальная социальная идентичность” — выражение из словаря И. Гофмана. Ей он противопоставляет истинную или актуальную идентичность, которая связана с объективными (насколько это возможно) характеристиками человека.

ческому признаку. Он ссылается на радикальные идеи в политике и их представителей, которых подвергают остракизму. Тем не менее, зная революционный опыт России и Франции, можно утверждать, что стигмы получают и те, кто имеет высокий политический статус.

Стигма разрушает субординацию, и в этом ее отличие от политической маргинальности. Быть политическим маргиналом — значит находиться на границе, определяющей иерархические отношения: стоять на пороге входа в политическую систему (при желании туда попасть), либо стоять от него далеко, проклиная власть. Как бы политический маргинал ни сопротивлялся этому званию [3], система клеймит политического маргинала, причем не только символически, она также отстраняет его от самой себя².

Будучи символическим жестом, стигма как инструмент доступна каждому, кто умеет владеть “щипцами палача”. Если в античности или в Средние века клеймение было инструментом власти, то сегодня клейматор доступен всем. Это не значит, что в античности или в Средневековье люди не носили власть, просто сегодня изменилась интенсивность критики. Так, в современной культуре Голландии быть оскорбленным — явление вполне нормальное в формате политических дебатов³.

Оскорбление, клеймение, негативная оценка — все это символическое действие, от которого институционально в правовом демократическом государстве способны защитить суды и психологи. Последних можно сравнить не с теми, кто выносит наказание, а с теми, кто лечит раны стигматизированного.

Существует политическое пространство, в котором присутствуют различные политические силы и те, кто эти силы обслуживает. Именно в этом публичном пространстве и проявляется гражданское и общественное участие. Условно имеют место две конкурирующие за власть группы, обладающие экономическими, культурными и символическими капиталами [1]. Те, кто обслуживает эти группы, также обладают капиталами. Будучи символически “пристегнутыми” к заказчикам, “ландскнехты”, являясь профессионалами, возможно, даже не разделяющими взгляды боссов, тем не менее надевают социальную маску сторонников своих клиентов. И без того виртуальная идентичность профессионала, работающего на клиента, виртуализируется вдвойне за счет стигматизации, проводимой конкурентами. Последние конструируют образ врага: по маске профессионала наносят удар, клеймят персону. Появляется “нерукопожатность”.

Какой характер носит “нерукопожатность”, моральный или профессиональный?

Во-первых, возможна профессиональная “нерукопожатность”, когда профессия человека настолько омерзительна, что ему не подают руки. Во-вторых, возможна моральная “нерукопожатность”, когда руки не подают не из-за профессии (пусть и омерзительной), а из-за моральных проступков, которые совершил человек.

Здесь есть тонкий момент, который можно описать через сакральное в интерпретации, предлагаемой культурсоциологией [5]. Сакральное амбивалентно, оно интерпретируется как проклятое/священное. Профессия политтехнолога может изначально восприниматься как моральная деградация выбравшего данный путь человека, поскольку он связывает себя с обслуживанием грязного дела — политики.

² Если слово “политика” заменить на “социальное”, суть стигмы и маргинальности не изменится. Оба феномена предполагают эксклюзивность. Только маргинальность как инструмент доступен доминирующим группам, например, “титularyнции”, исключающей и маргинализирующей приезжих, а стигматизация не принадлежит только тем, кто маргинализирует, так как маргинализируемый сам способен стигматизировать тех, кто его исключает, хотя бы именовать их “маргинализаторами”, “буржуями” и т. п.

³ О морально-социальных границах и культуре оскорбления см.: [2]. Хотя следует заметить, что в современной Голландии уже не все так просто. За оскорбление в Facebook здесь можно остаться без работы.

Но как быть с самими политтехнологами? *“Я считаю, что “нерукопожатность” — это проявление такого важного фактора, который должен определять жизнь, говоря широким языком, гражданского общества, а в узком смысле социальных групп. Это моральная оценка человека и его действий, поэтому нерукопожатные люди — это люди, которые существуют в данном профессиональном цехе (этим цехом может быть интеллигенция — в широком смысле, в узком — политтехнологи). “Нерукопожатность” обозначает, что человек вышел за границы нормы”.* Эти слова из моего интервью с одним из первых российских политтехнологов. Как следует из текста, политтехнолог одобряет “нерукопожатность” в качестве моральной оценки коллег по цеху. Однако ему тоже приходилось сталкиваться с неодобрением со стороны коллег, когда его компания работала на Кириенко, а в 2000-е на коммунистов. Это была не “нерукопожатность” в чистом виде, а, скорее, неодобрение и неприятие, которые в любой момент могли превратиться в стигматизацию, если бы не личные качества политтехнолога. Приведу небольшую часть из интервью с ним.

Политтехнолог: *Я никогда не стал бы работать с человеком, чьи убеждения я не разделяю. Все 90-е годы мы не работали с коммунистами. Мне не нравились коммунисты, и я точно с ними не работал. Принципиально.*

Интервьюер: *А потом?*

Политтехнолог: *А потом — это такая внутренняя драма, ситуация изменилась. Мы стали с ними работать. Могу рассказать про исторический переход, как это произошло. Наш заказчик, который платил деньги за кандидата, в 2000 году попросил нас поработать на губернаторских выборах в одной из российских областей. Кандидат, которого он поддерживал, был коммунист, который потом с нашей помощью стал губернатором. Нам было сложно отказать в этой работе нашему клиенту, к тому же либералу по убеждениям. Вот такой был мягкий переход.*

Для политтехнологов заниматься своей профессией — обычное дело. В этой профессии нет ничего ни священного, ни проклятого. Скверна появляется лишь тогда, когда кто-то из воображаемого сообщества политтехнологов совершит проступок, касающийся человеческой морали, после чего начинается конструирование негативного образа.

Политтехнолог как профессионал может быть священен для заказчика, так как обладает знаниями и опытом, но скверен в моральном плане. Достаточно вспомнить фигуру палача, которую описывает в контексте сакрального Р. Кайуа [6]. Палач скверен, потому что убивает. Палач носит печать света, потому что выполняет необходимую работу.

Любая “нерукопожатность” имеет моральную оценку. При этом для одних сообществ (политтехнологов) “нерукопожатность” по профессии незначима, значимы лишь моральные проступки. Логика профессионалов политтехнологов здесь такова: “Да, он работал на партию X, но он сохранил человеческое достоинство. А вот она — нет, хотя и работала на уважаемую среди интеллигенции партию Y”. Это логика профессии, корпоративной культуры, морали политтехнологов. Конечно, корпоративная культура неоднородна. Я говорю лишь об идеальных типах. Другая логика тотально моральная: “Он связался с политикой, на нем можно ставить крест”. Наконец, третью логику можно назвать мораль-

но-релятивистской: “Он мерзавец, потому что оказывал профессиональные услуги партии X — это позор, вот если бы он помогал партии Y, тогда бы был хорошим человеком”. Потенциально возможна личностная и человеконенавистническая логика, однако это самый утилитарный идеальный тип.

Какое качество имеет стигматизация в политическом пространстве в тотально моральной и морально-релятивистской логике с точки зрения социальных технологий (дискредитация “врага”, лишающая ресурсов)?

Использование клейма как инструмента, но не по отношению к политике, а к тому, кто его обслуживает, сродни атакам на адвокатов или врачей, защищающих и спасающих жизни людей с не всегда безупречной репутацией. Небезынтересно, что в дискредитации используются моральные аргументы. На мой взгляд, моральный аргумент — это социальный аргумент, апеллирующий к оппозиции справедливость — несправедливость и идее общего блага. Причем неясно, кто “демоничнее”, заказчик или же тот, кто его обслуживает?

Возникает вопрос, значимый для рыночных отношений, выражу его предельно утрированно: если нет формального запрета на то, чтобы быть “адвокатом дьявола”, сколько тогда должны стоить услуги политтехнологов, отдающих себя в “жертву” стигме? Политтехнологи могли бы ответить так: “Мы делаем грязную работу, необязательно кого-то очерняя (черный PR), а потому, что сама профессия предполагает, что мы в любом случае запачкаемся. Профессия демонизируется. Следовательно, становится дороже”.

Консолидированного цеха политтехнологов не существует, существуют группы — условно “кремлевские” и “оппозиция”. Но сами по себе они неоднородны. Если возникает какая-либо консолидация, то она скорее всего является взаимовыручкой. Это, к примеру, поддержка комментарием в блоге или на “стене” в социальной сети, причем такая поддержка как бы прикрывает стигму другого.

Стигма может быть перекодирована. Один из способов — перейти в другой лагерь. Употребив слово “лагерь” хочу сделать следующее уточнение: стигматизированный политтехнолог — хотя и публичная фигура, но не политик, а во многом — политический агент.

Какие чувства и переживания испытывают люди, когда происходит клеймение по их профессиональному признаку?

Судя по имеющимся данным, политтехнологи уходят от клеймления с помощью иронического отношения к самой ситуации, несмотря на возникающие порой весьма непростые моменты из-за работы с тем или иным политическим агентом, например, разрыв личных отношений с друзьями и даже близкими людьми. На мой вопрос “*Испытывали ли Вы давление со стороны друзей, коллег и оппонентов по поводу того, что вы работаете на “неправильного” кандидата или организацию?*”, один известный политтехнолог ответил: “*Да... меня баба бросила*”.

Другой пример. Политтехнолог из Беларуси, который когда-то помогал А. Лукашенко прийти к власти, участвовал в оранжевой революции в Украине, а также часто работает в России, рассказал такую историю. На определенном этапе этот человек был публичным чиновником в Беларуси, который должен был, по его словам, заботиться не только о своей репутации, но и о репутации власти. Однако он ушел с крупной госу-

дарственной должности. Президентом принимались решения в обход ведомства человека, у которого я брал интервью. Возникла следующая ситуация: принимается решение не вами, а ответственность за нее несете вы, в том числе моральную ответственность перед своим народом.

Во время интервью он вспоминает, что на публичной лекции в 1994 году перед студентами факультета журналистики его спросили, что он будет делать, если ему отдадут приказ, с которым он не согласен. И он ответил: *“Я выполню этот приказ и уйду в отставку. Почему не сразу? Потому что у человека, который придет на мое место, не будет тех угрызений совести, которые будут у меня. Он выполнит приказ буквально, а я постараюсь минимизировать последствия”*. Спустя несколько лет студент, который задавал вопрос этому политтехнологу, напомнил про свой вопрос и ответ на него. Политтехнолог расплакался. Потому что он сдержал слово. Даже вспоминая эту историю, он рассказывал ее, явно переживая.

Любопытно, что большинство политтехнологов не против того, чтобы стать публичными фигурами, вовлеченными не только в обслуживание политиков. Кроме того, отмечу: психологически политтехнологам комфортнее работать с самовыдвиженцами, так как с ними обычно нет проблем в вопросах идеологии.

Итак, политический консультант (политтехнолог) — это профессионал, который занимается продвижением и легитимацией той или иной идеи либо политического деятеля. Данная профессия затрагивает вопрос о социальном доверии к человеку. В глазах тотального морализма или морального релятивизма политтехнолог становится “адвокатом дьявола”. Подобное отношение порождает стигматизацию (клеймление) по профессиональному признаку и той виртуальной идентичности, социальной маске, которую он носит. Возможно и моральное давление изнутри разобщенного цеха, когда профессионал стигматизирует профессионала за потерю лица. В таком случае способ ухода от стигмы — это ироническое отношение к ситуации в условиях разобщенности.

Литература

1. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Бурума И. Убийство в Амстердаме. Смерть Тео ван Гога и границы толерантности. М.: Калибри, 2008.
3. Вафин А. Политическая маргинальность // Гражданское и политическое в российских общественных практиках. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 140–149.
4. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М. Добряковой, по изданию: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963 // Цит. по: ecsocman.hse.ru/data/goffman_final.doc.
5. Куракин Д. Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для “сильной программы” культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. Т. 3. № 3. С. 41–70.
6. Олье Д. Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. Цит. по: Электронная библиотека Гумер / www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/hollier.